

«Кудри шелковы по плечикам бегут...»

© Ю. А. КОЖАЕВА

В статье на материале четвертого тома «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского, в котором собрана значительная часть народной любовной лирики, рассматриваются устойчивые приемы описания внешности лирического героя.

Ключевые слова: русский фольклор, любовная лирика, тропы, эстетическая оценка.

В лирических любовных песнях русского фольклора при описании внешности добра молодца особое место уделяется поэтическому воспеванию красоты его волос: *кудри русые, черные, желтые, шелковы и завивные, принапудренья; кудерцы, кудерьки и кудерушки, в три ряды кудри завивались, завивались кудерочки во серебряны колечушки* и т.п. «Эстетизация» кудрей проходит лейтмотивом сквозь все лирическое пространство русской песни как едва ли не самое излюбленное словесное «ласкание» образа милого дружка. Молодец пригож и красив, когда он *кудреватый, кудреватенький*:

Как у моего милого есть русые волосы.
Есть русые, завитые, по плечам кудри лежат,
что по плечикам лежат завиватися хотя... [1. № 75].

У героя *кудрява головка, головка с кудрями; голова кудревата; голувушка гладка учесанная и помадой умазанная, во духах учесанная.*

Эстетическая оценка выражается посредством описания деталей внешнего облика в типовых формулах: *холост, не женат, белый, кудреват* [64]; *мой милый пригожий, белый, кудреватый, холост, не женатый* [55]; *молодцы с кудрями, гусары с усами* [57]; *у нас Михайлушка холост ходит, у нас Петрович свет не женатый, что беленький, кудреватенький* [91] и т.п.

Легко заметить, что в таких формулах *кудреватый* рифмуется с *неженатый*. Обобщенное описание мужского портрета может дополняться такими деталями, которые говорят о тщательном уходе за волосами: *как на нем, на нем кудри русыя; они чесаны-перечесаны* [63]; *разчесала голову неразчесанную, голова, голова неразчесанная, причесала молода твои черны кудри!* [74]; *Алексеюшко свет Яковлевич свои кудри, свои русы расчесал* [78]. Процесс «кудрения», завивания волос упоминается в

разных видах: *завивались кудри у доброго молодца, завивала кудри красна девица* [71]; *завила кудри сударушка моя, завивала, приговаривала: «когда кудерцы разовьются, быстры реченьки разольются, – тогда с миленьким разойдемся»* [79]. Примечательно, что милый использует расческу не с редкими зубьями, а с частыми – настолько ухожены его кудри: *чесал милый кудри, чесал милый русья не гребенкой, – гребешком* [76].

Длинные, ухоженные волосы во все времена были отличительным знаком представителей привилегированных слоев населения, которые могли позволить себе образ жизни с тщательным уходом за внешностью. Воспевание молодецких кудрей носило сословно окрашенный характер: *мой-то купчик хорош таки, хорош, с русых кудрей на барина похож* [39]. Таким образом, основу эстетического идеала мужского облика в русских народных песнях можно охарактеризовать как совокупность реального образа и образа мечты.

Эстетическая оценка внешности мужского облика носила и отпечаток моды. Волосы молодца могли быть не только расчесанными и завитыми, но и напوماженными, припудренными, маслом намазанными и духами надушенными: *У Михайлушки головушка гладка, что гладка, гладка, учесанная и помадой умазанная, завивались кудерочки во серебряны колечушки* [62]; *русые кудри завивныя, принапудренныя* [77]; *приступилася к кудрям красна деушка, прежняя сударушка, начала кудри чесать-гладить, стала маслом мазати* [73]; *во духах его головушка учесанная* [93]. Эстетическая оценка присутствует и в восхвалении кудрей: *все соседушки кудрями любятя, все сроднички кудрями милуютя* [69]; *я за то люблю Ивана, что головушка убрана, бело личико румяно* [60]; *кудри завилася, девки зарилася, замуж ладилася, низко кланялсися и здоровалсися* [67]; *красны девицы разыгрались, тем кудрям дивовались, тем кудрям молодецким* [68]; *стала кудри хвалити: «Уж и что это за кудерьки, что это за русья!»* [73].

Поэтизация красоты волос в песнях выражается с помощью широкого спектра тропов. Это устойчивые сравнения: *как у месяца звезды часты, у красного-то солнца лучи огненны. Как у молодца по плечам кудри лежат, словно жар оне горят* [69]. Эпитеты: *мой милый с усами, с русыми кудрями* [53]; *добрый молодец, холост, не женат, белый, кудреват* [64]. Метафоры: *кудри шелковы по плечикам бегут* [59]; *чистаго желтаго шелку, желтые кудри завивались* [68]. Олицетворения: *как у моего милого есть русые волосы, есть русые, завитые, по плечам кудри лежат, что по плечикам лежат завиватися хотят* [75]; *у него ль кудри, кудри русья, порасчесаны, разбумажены, по плечам лежат, полюбить велят* [64]. Разбумажиться – согласно Словарю В.И. Даля, развеселиться, расходиться, разгуляться, расщедриться [2]. Русские народные песни словно сотканы из подобных словесных формул-узоров, которые, повторяясь из песни в песню, ткут красоту поэтического полотна.

Особую выразительность поэтическому тексту русских песен придают усиленные гиперболические конструкции: *как у молодца кудри завиваются, завивались-то кудри кудерюшки в три ряда, во четвертый ряд кудри по плечам лежат, словно жар оне горят. Что никто к кудрям не приступится; кому ж эти кудри поднимать? Будет поднимать родной батюшка, что Иван Алексеевич* [73].

Параллельные конструкции и сравнительные обороты богато украшены ожерельем атрибутивных признаков, создающих контаминации зооморфизмов и антропоморфизмов:

Во лугах, во полях цветы-то расцвели,
У моего-то у милого кудерушки завились [41];

Селезенушка сиз-косат! Кто тебе косицы завивал? –
Завивала мне утушка, да на бережку седевчи,
да на лозушку гладевчи. Да на частые звездушки.
Молоденький Николаюшка! Кто тебе кудерцы расчесал? –
Расчесала мне матушка [70];

У сизого у селезня в три ряда косы заплетались,
В четвертый ряд косы по воде плывут.
У доброго у молодца в три ряда кудри завивались [71].

Образ молодого щеголя в любовной народной поэзии представлен идеализированным. Это образ желанного героя, неременной узнаваемой чертой внешнего облика которого являются кудри.

Литература

1. *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни. В 7 т. СПб., 1895–1902. Т. IV. Далее в скобках указывается номер песни.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*